

ОБЩЕСТВО
НЕРАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ:
социальная структура
современной
РОССИИ



ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н.Е. Тихонова, С.В. Мареева, В.А. Аникин,
Ю.П. Лежнина, А.В. Каравай, Е.Д. Слободенюк

ОБЩЕСТВО
НЕРАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ:
социальная структура
современной
РОССИИ

Под ред. Н.Е. Тихоновой

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВСЬ МИР»
2022

УДК 316.343.623
ББК 60.65(2Рос)
О 28

Рецензенты:

д.с.н. *Е.Р. Ярская-Смирнова*,
д.с.н. *Ю.В. Латов*

Книга подготовлена авторским коллективом в составе:
Н.Е. Тихонова, С.В. Мареева, В.А. Аникин, Ю.П. Лежнина,
А.В. Каравай, Е.Д. Слободенюк

О28 Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Н.Е. Тихонова, С.В. Мареева, В.А. Аникин, Ю.П. Лежнина, А.В. Каравай, Е.Д. Слободенюк. Под ред. Н.Е. Тихоновой. — Москва: Издательство «Весь Мир», 2022. — 424 с.

DOI 10.55604/9785777708731

ISBN 978-5-7777-0873-1

Книга посвящена анализу социальной структуры российского общества. Авторы обращаются к относительно новому для российских исследований, но имеющему фундаментальные теоретико-методологические основания и популярному за рубежом подходу к анализу стратификации на основании соотношения жизненных шансов и рисков. Предложена методология построения вертикальной модели стратификации российского общества на основании учета места человека в четырех ключевых сферах жизни — экономического положения, ситуации на работе, возможностей сохранения и наращивания своего человеческого потенциала, а также особенностей потребления и досуга. В центре внимания авторов при анализе массивов эмпирических данных двух «линеек» мониторинговых исследований (РМЭЗ НИУ ВШЭ и Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН) специфика и динамика этой модели, особенности повседневного бытия отдельных групп в ее составе, факторы, определяющие дифференциацию их жизненных шансов и рисков, а также межгрупповая мобильность.

Для специалистов в области социологии, экономики и социальной политики, работников государственных органов, преподавателей, аспирантов и студентов, в также всех, интересующихся этой проблематикой.

УДК 316.343.623

ББК 60.65(2Рос)

Отпечатано в России

ISBN 978-5-7777-0873-1

© Коллектив авторов, 2022

© Издательство «Весь Мир», 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	9
РАЗДЕЛ 1. МОДЕЛЬ СТРАТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПО ЖИЗНЕННЫМ ШАНСАМ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	17
<i>Глава 1. Теоретико-методологические подходы к анализу</i> стратификации по жизненным шансам и рискам	17
Теория М. Вебера: классическая трактовка жизненных шансов	18
Развитие классической трактовки жизненных шансов в зарубежной социологии	26
Эмпирические исследования социальной дифференциации российского общества	36
<i>Выводы</i>	42
<i>Глава 2. Методология и методика построения модели</i> стратификации российского общества на основе оценки жизненных шансов и рисков	45
Теоретико-методологические основания модели стратификации по жизненным шансам и рискам	47
Операционализация признаков места в модели стратификации российского общества	51
Интегральная модель стратификации российского общества по жизненным шансам и рискам	59
<i>Выводы</i>	68

Глава 3. Модель стратификации российского общества по жизненным шансам и рискам: особенности, динамика, межгрупповая мобильность	72
Особенности социально-демографического и социально-экономического состава разных страт	76
Динамика модели стратификации российского общества, построенной по интегральному показателю жизненных шансов и рисков	87
Межгрупповая мобильность и проблема устойчивости выделенных страт на микроуровне	94
<i>Выводы</i>	101
Глава 4. Территориально-поселенческие особенности стратификации российского общества	105
Особенности позитивной и негативной привилегированности жителей разных типов поселений в различных сферах жизни	105
Модели стратификации по жизненным шансам и рискам в разных типах поселений	121
<i>Выводы</i>	126
Глава 5. Модель структуры российского общества на основе композиции жизненных шансов и рисков в различных сферах жизни	128
Байесовский латентный классовый анализ и результаты оценок VLCA	132
Основные эмпирические классы российского общества	141
<i>Выводы</i>	150
Глава 6. Соотношение негативной привилегированности и бедности	153
Бедность и жизнь в условиях негативной привилегированности: соотнесение феноменов	156
Социально-демографический состав нижней страты и бедных «по доходам»	160
Специфика жизненных шансов и рисков бедных и представителей нижней страты	169
<i>Выводы</i>	174

РАЗДЕЛ 2.	
ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ МЕСТО В СОЦИАЛЬНОЙ ИЕРАРХИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МАССОВЫХ СЛОЕВ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	176
<i>Глава 7. Ресурсы и специфика повседневной жизни представителей разных стран</i>	176
Обеспеченность представителей различных стран экономическим ресурсом	178
Обеспеченность представителей различных стран другими видами ресурсов	190
<i>Выводы</i>	204
<i>Глава 8. Поведенческие стратегии россиян из разных стран по улучшению своего социально-экономического положения</i>	209
Теоретико-методологические предпосылки анализа поведенческих стратегий россиян	209
Общая распространенность различных действий по улучшению своего материального положения	213
Адаптационные стратегии россиян из разных стран	217
Динамика стратегий социально-экономической адаптации россиян в последние десятилетия	228
<i>Выводы</i>	235
<i>Глава 9. Факторы дифференциации жизненных шансов и рисков в современном российском обществе: регрессионный анализ</i>	238
Дифференциация работающих и неработающих россиян по особенностям их шансов и рисков	238
Выбор переменных и построение регрессионной модели	244
Факторы неравенства жизненных шансов и рисков	256
<i>Выводы</i>	258
<i>Глава 10. Специфика идентичностей, социального самочувствия и мировоззрения основных стран российского общества</i>	261
Особенности идентичностей россиян из разных стран	261

Социальное самочувствие, жизненные цели и социально-психологические особенности представителей массовых страт российского общества	267
Взгляды представителей разных страт на ситуацию в России	276
<i>Выводы</i>	279
Глава 11. Восприятие социальной структуры и социальных неравенств в современном российском обществе представителями разных страт	284
Острота монетарных и немонетарных неравенств в оценках россиян	287
Оценка справедливости неравенств и запрос на их сокращение в разных стратах	293
Субъективная социальная структура российского общества	303
<i>Выводы</i>	305
Глава 12. Запрос представителей разных страт к социальной политике	308
Запрос россиян к государству как отражение их социокультурных особенностей	311
Особенности социально-экономического положения представителей массовых слоев как фактор формирования их ожиданий от социальной политики	322
<i>Выводы</i>	331
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	334
ПРИЛОЖЕНИЯ	353
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	398
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	417

Глава 6. Соотношение негативной привилегированности и бедности¹

В предыдущих главах книги мы показали, что положение россиян в пространстве жизненных шансов и рисков очень неоднородно. Анализ структуры общества, как базирующейся на различных комбинациях шансов и рисков индивидов (глава 5), так и строящейся на общем соотношении их жизненных шансов, с одной стороны, и деприваций и рисков, с другой (главы 2–4), позволяет с уверенностью утверждать, что в российском обществе присутствует достаточно массовая зона неблагополучия. При этом остается открытым вопрос о том, как это общее социальное неблагополучие соотносится с бедностью «по доходам».

Подобную постановку вопроса диктует прежде всего вновь актуализировавшийся дискурс вокруг проблемы бедности. Задача двукратного сокращения масштабов бедности, поставленная В.В. Путиным еще в 2018 г., актуализирует пересмотр мер социальной политики и поиск новых критериев определения ее адресатов, на чем в последние годы сосредоточено не только научное сообщество, но и представители власти на местах, которые принимают непосредственное участие в ее реализации. По этой причине, представляя широкому кругу читателей результаты нашего анализа, мы не могли обойти стороной сюжеты соотношения бедности и социального неблагополучия, оцениваемого по жизненным шансам и рискам. В данной главе мы сконцентрируем свое внимание именно на сравнении нижней страты, выделяемой по показателям интегрального Индекса ЖШИР, и группы бедных, выделяемых в соответствии с основным теоретико-методологическим подходом к бедности, используемым в России в рамках государственной социальной политики.

Однако для начала кратко напомним суть базовых теоретических подходов к бедности. В научной традиции присутствуют и широко используются три фундаментальные концепции бедности — абсолютная, относительная и субъективная. Согласно логике **абсолютного** подхода, бедные — это группа лиц, чьи дохо-

¹ В данной главе частично использованы материалы статьи [Слободенюк, 2019a].

ды очерчиваются экспертно заданной границей, называемой «прожиточным минимумом». Он отражает стоимостную оценку определенного набора продуктов питания, товаров длительного пользования, одежды и ряда услуг, т.е. потребительскую корзину, необходимую для поддержания минимально приемлемого уровня жизни, падение ниже которого недопустимо по тем или иным причинам — начиная от экономической нецелесообразности и заканчивая соображениями гуманности и солидарности. Формируемая согласно такой логике черта бедности может видоизменяться (т.е. набор товаров и продуктов в ней может расширяться или сужаться под влиянием внешних обстоятельств: наличия или отсутствия военно-политических конфликтов, объемов доступных бюджетных средств, поставленных государством или международными организациями целей и задач и т.д.²). В Российской Федерации чертой бедности со времен перестройки и до января 2021 г. выступал именно этот показатель, величина которого устанавливалась региональными органами власти. Данный показатель рассчитывался отдельно для трех категорий населения — детей, взрослого населения и пенсионеров, так как продукты питания, одежда и услуги, которые им необходимы для поддержания минимального уровня жизни, значительно отличаются³. Именно прожиточный минимум выступал до начала 2021 г. инструментом оценки масштабов бедности в стране, а соотношение с ним уровня индивидуальных доходов — основанием для получения статуса «малообеспеченных» и, как следствие, различных видов поддержки со стороны государства. **Относительный** подход к бедности исходит из того, что стандарт жизни в разных обществах отличается, и то, что считается бедностью в одной стране, может быть вполне благополучным положением в другой. В логике относительного подхода в каждом обществе присутствуют «свои» бедные — те, кто не имеет возможности поддерживать минимально приемлемый уровень жизни, характерный именно для этой страны с ее особенными климатическими условиями, уровнем развития инфраструктуры, медицины

² Так, например, во времена НЭПа для нужд социальной политики использовался другой показатель — «физиологический минимум», который подразумевал значительно более скудный по своему наполнению набор товаров.

³ Кроме трех вышеописанных нормативов, утверждался также и единый по региону «подушевой» прожиточный минимум, рассчитываемый исходя из соотношения в регионе домохозяйств разного состава, который мы и использовали в анализе.

и т.п. Борьба с бедностью этого типа реализуется через «подтягивание» уровня жизни наименее благополучных членов общества к этому стандарту. При этом в рамках относительного определения бедности могут использоваться как монетарный подход, предполагающий выделение уровня доходов (чаще всего находящегося в диапазоне от 50% до 60% медианного для данной страны), при котором заведомо невозможно поддерживать типичный для нее уровень жизни⁴, так и немонетарный подход к выделению бедных. Последний основан на учете лишений, нехарактерных для основной части населения в данной стране, и можно сказать, что выделенная нами нижняя страта является в этом смысле одной из версий выделения бедных в рамках такого депривационного подхода. При этом попадание в состав бедных в рамках этого подхода и их численность сильно зависят от того набора лишений, который используется для их выделения тем или иным экспертом. Наконец, **субъективный** подход, являясь в большей степени инструментом анализа социально-психологического самочувствия населения, трактует бедных как тех членов общества, которые сами считают себя бедными, вне зависимости от их реального материального положения.

Мы сфокусируемся далее на наиболее актуальной для России методике, ориентированной на анализ бедности «по доходам», последовательно сравнивая эту группу с выделенной нами нижней стратой. Однако для более глубокого понимания сущности состояния негативной привилегированности мы также приведем краткое сопоставление нижней страты с группой субъективно бедных. Соотношение нижней страты и относительно бедных (т.е. лиц со среднедушевыми доходами в домохозяйстве менее 0,75 медианы) представлено в ряде глав при анализе соотношения стратификации по жизненным шансам и доходной стратификации.

Эмпирической базой для сравнения послужил массив данных разных волн РМЭЗ НИУ ВШЭ. Выделение бедных «по доходам» методически было реализовано нами посредством сопоставления среднедушевых доходов в домохозяйствах с региональным про-

⁴ Недавно российское правительство утвердило новую методику расчета прожиточного минимума [Федеральный закон..., 2020], которая следует относительной традиции определения бедности. Черта бедности с января 2021 г. рассчитывается как 44,2% от медианного значения среднедушевых доходов. При этом, однако, в методике сохранилось деление на три категории граждан – детей, пенсионеров и трудоспособных, для каждой из которых используется своя доля от этого денежного показателя, а также региональная дифференциация показателей.

житочным минимумом на душу населения, установленным на 4-й квартал соответствующего года⁵. Инструментом для выделения субъективной бедности был вопрос о самоидентификации индивидом своего положения на 9-ступенчатой «лестнице материального благосостояния», на нижней ступени которой располагаются самые бедные россияне, а на верхней, соответственно, богатые. Как субъективно бедных в рамках исследования мы рассматривали тех, кто поставил себя на три нижние ступени указанной «лестницы».

Как и в предыдущих главах, мы фокусируемся преимущественно на данных 2018 г., поскольку кризисы разной природы могут деформировать картину социального неблагополучия в России и его причин. Однако данные конца 2020 г. также приводятся в главе для оценки влияния пандемии на ситуацию в этой области.

Бедность и жизнь в условиях доминирования негативной привилегированности: соотнесение феноменов

Согласно использованным методикам, в 2018 г. в России насчитывалось 14,3% бедных «по доходам», 38,2% субъективно бедных и 21,9% лиц с безусловным доминированием негативной привилегированности (представителей нижней страты по ИЖШИР)⁶. Осенью 2020 г. представители этих групп составляли 14,1%, 36,1% и 24,2% соответственно. Как видим, масштабы бедности к концу

⁵ В качестве опорного был избран 4-й квартал, так как более 98% представителей репрезентативной выборки были опрошены именно в этот период. Данные о величинах прожиточных минимумов взяты из Интернет-ресурса «Прожиточный минимум», предоставляющего оперативные данные с указанием ссылок на все нормативные документы (см. подробнее URL: <http://potrebkor.ru/index.html>). В тех случаях, когда величина прожиточного минимума дифференцируется внутри регионов по территориальным делениям («зонам»), использовался тот показатель, который соответствует территориальной единице, в которой проводился опрос респондентов. Наша методология не учитывала состав домохозяйства и эффект экономии от его масштаба, так как региональный прожиточный минимум на душу населения учитывает типичные составы домохозяйств в регионе проживания.

⁶ При расчетах использовались взвешенные данные. Как уже отмечалось в предшествующих главах, без взвешивания массивов РМЭЗ НИУ ВШЭ или при использовании массивов Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН эта цифра была больше и превышала четверть населения. Однако в любом случае численность нижней страты была больше числа бедных «по доходам» и меньше числа субъективно бедных.

2020 г. сохранились на прежнем уровне, что соответствует и официально опубликованным данным [ФСГС РФ, 2021]. Сдерживание роста официального уровня бедности было, по всей видимости, реализовано за счет усиления мер социальной политики в отношении уязвимых категорий населения, особенно семей с детьми [Черный лебедь..., 2021].

Соотношение численности разных групп бедных со стратами, выделенными по их жизненным шансам и рискам на основе показателей ИЖШР, представлено в табл. 6.1.

Как видно из табл. 6.1, в составе нижней страты бедные «по доходам» составляют чуть более четверти (эта доля сохранилась на схожем уровне и в условиях 2020 г.), т.е. финансовое неблагополучие не является обязательным условием попадания в зону высоких рисков и лишений. Превалирование рисков над шансами встречается у россиян с совершенно разными доходами, хотя у бедных, вне зависимости от методики их выделения, шансы попасть в их число приблизительно в 1,5–2 раза повышены в сравнении с общестрановыми. Это можно проиллюстрировать и через сопоставление доходов представителей данных групп: медианные значения среднедушевых доходов у бедных «по доходам» составляли в 2018 г. 7 777 руб., в то время как у представителей нижней страты — 13 800 руб. (17 309 руб. в среднем по населению). При этом россияне, обладающие наиболее типичными для населения доходами (от 0,75 до 1,25 медианного значения по стране), составляют примерно половину состава нижней страты. Иными словами, «нормальный» уровень доходов может сопровождаться немонетарным неблагополучием и отклонениями от типичной нормы жизни.

Значимо сильнее связана нижняя страта с субъективной бедностью: более половины негативно привилегированных россиян (58,7%) ощущали себя бедными в 2018 г. (в 2020 г. — 53,9%). При этом, однако, зона пересечения этих групп охватывает лишь треть субъективно бедных. Иными словами, пребывание в зоне депри-

Таблица 6.1

Соотношение различных групп бедных со стратами, выделенными на основе ИЖШР, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2018 г., %

Группы	Страты		
	Нижняя	Средняя	Верхняя
Бедные «по доходам»	26,4	13,0	4,7
Субъективно бедные	58,7	37,6	18,7

вазии и рисков в большинстве случаев влечет за собой ощущение своего аутсайдерского положения в обществе, хотя само по себе является далеко не единственной причиной такого субъективного самопозиционирования.

Если же посмотреть на соотношение этих групп с другой стороны и оценить доли представителей нижней страты в составе бедных «по доходам», а также субъективно бедных, то несовпадение этих групп оказывается не менее наглядным (табл. 6.2). Представители негативно привилегированной страты составляют около 40% от числа бедных «по доходам» (это подтверждается и данными 2020 г.). Иными словами, большинство бедных «по доходам», несмотря на низкий уровень текущих доходов, характеризуются, с одной стороны, возможностью поддерживать типичный для массовых слоев населения в целом стандарт жизненных шансов, и с другой – ограниченностью характерных для них рисков и деприваций. Таким образом, при любых попытках выделения бедных по монетарным признакам мы убеждаемся в том, что дефицит текущих доходов и пребывание в состоянии негативной привилегированности – разные социальные феномены.

Приведенное сопоставление позволяет также сделать вывод, что различные теоретико-методологические подходы позволяют выделить разные группы неблагополучных россиян. При этом еще раз отметим, что доля негативно привилегированных россиян заметно выше, чем доля бедных «по доходам». Это означает, что часть населения, формально не относящаяся по монетарным признакам к неблагополучному населению (и «выпадающая» в связи с этим из поля зрения государственной социальной политики), на самом деле находится в зоне неблагополучия по образу и качеству жизни. С другой стороны, более половины бедных «по доходам» имеет, как видно из данных, типичный для российского населения в целом образ жизни, что говорит о важности учета при оценке благополучия не только монетарных показателей, которые

Таблица 6.2

Доля страт, выделенных на основе ИЖШИР, в составе различных групп бедных, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2018 г., %

Страты	Бедные «по доходам»	Субъективно бедные
Нижняя	41,0	32,9
Средняя	52,4	57,0
Верхняя	6,6	10,1

могут быть ситуативны или излишне чувствительны к числу членов домохозяйства и т.д. При этом 6,6% бедных «по доходам» в 2018 г. вообще относились к группе с доминированием позитивной привилегированности в ключевых сферах их жизни, демонстрируя тем самым положение выше той социетальной нормы, которая сложилась в российском обществе (хотя в условиях пандемии соответствующая доля снизилась до 4,5%).

Еще один сюжет, который нужно упомянуть, сопоставляя различные подходы к выделению неблагополучных групп, это соотношение бедности по «доходам» и альтернативного подхода к анализу социальной структуры на основании комбинаций жизненных шансов и рисков, представленного в главе 5. Как было показано в этой главе, в российском обществе сформированы и устойчиво воспроизводят себя два нижних класса — «экономический» и «неэкономический». Напомним, что первый охватывает в основном низко- и среднеквалифицированных работников, занятых рутинным нефизическим или физическим трудом, которые в меньшей степени востребованы российской экономикой, легко взаимозаменяемы, слабо защищены с точки зрения их трудовых прав, имеют низкие доходы. Второй — неэкономический — объединяет в основном наиболее неблагополучную часть неработающих пенсионеров, положение которых в сложившихся в стране условиях не может быть скорректировано их собственными усилиями, а также основную часть неработающих трудоспособных. Соотношение двух нижних классов с бедностью «по доходам» схоже с таковым в нижней страте⁷. Так, лишь около четверти их представителей являлись в 2018 г. бедными «по доходам» (23,6%). Одновременно с этим нижние классы охватывают приблизительно половину (54,9%) бедных «по доходам». В большей степени с бедными «по доходам» пересекается «экономический» нижний класс, поскольку в «неэкономическом» классе выше доля пенсионеров, чьи доходы, как правило, выше прожиточного минимума (к этому сюжету мы еще обратимся ниже).

Далее сравним группы бедных «по доходам» и представителей нижней страты детальнее, что позволит лучше понять феномен социального неблагополучия в современной России.

⁷ Оценка соотношения нижних классов с группами бедных приводится на основе данных ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г.

Социально-демографический состав нижней страты и бедных «по доходам»

Начнем сравнение с базовых социально-демографических характеристик россиян, имеющих доходы ниже прожиточного минимума, и представителей нижней страты (табл. 6.3).

Социально-демографические портреты выделенных групп сразу демонстрируют одну из ключевых особенностей методики выделения бедности «по доходам» — ее высокую чувствительность к размеру домохозяйства. Бедные «по доходам» чаще проживают в расширенных домохозяйствах (средний размер — 4,27 чел.); почти в двух третях случаев это домохозяйства с несовершеннолетними детьми в их составе. В нижней страте средний размер домохозяйств меньше (2,88 чел.), а нагрузка несовершеннолетними детьми ниже —

Таблица 6.3

Социально-демографический и социально-профессиональный состав бедных и представителей нижней страты, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2018 г., чел. и %*

Показатели	Бедные «по доходам»	Нижняя страта
<i>Размер домохозяйства, чел.</i>		
Среднее значение	4,27	2,88
<i>Возраст, %</i>		
18–30 лет	28,7	16,8
31–40 лет	24,6	12,4
41–50 лет	20,5	16,5
51–60 лет	15,4	18,8
Старше 60 лет	10,8	35,5
<i>Иждивенческая нагрузка домохозяйств детьми, %</i>		
Лица, проживающие в семьях с несовершеннолетними детьми	63,7	26,7
<i>Тип поселения, %</i>		
Москва, Санкт-Петербург, центры субъектов РФ	22,2	32,1
Остальные города	20,9	25,4
Села и поселки городского типа	56,9	42,5
<i>Здоровье пенсионеров, %</i>		
Оценивают свое здоровье как «плохое» или «очень плохое»	32,0	44,5
Регулярно проверяют свое здоровье, даже если не больны	13,9	15,8

Примечание. *Фоном здесь и далее в главе выделены максимальные показатели по строке при условии, что разрыв в показателях больше величины статистической погрешности.

только четверть ее представителей проживают в домохозяйствах с детьми. Эти особенности связаны и с возрастным составом выделенных групп – бедность по доходам имеет более молодое «лицо», чем нижняя страта, хотя и в составе последней почти 30% составляют россияне в возрасте до 40 лет.

Возрастной состав выделенных групп во многом является следствием методологии определения бедности «по доходам». Повышение пенсионных выплат до величины прожиточного минимума пенсионера в регионе проживания⁸ статистически выводит подавляющее большинство пенсионеров из бедности «по доходам», хотя по немонетарным показателям их уровень жизни может быть объективно низок [Овчарова и др., 1998; Тихонова, 2003; Tikhonova, Slobodenyuk, 2015]. Согласно данным государственной статистики, в результате принятых мер в 2017 г. за чертой прожиточного минимума пребывали только 18,5% от общего числа всех неработающих пенсионеров⁹. Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ дают схожие оценки. Пенсионеры могут попасть в зону бедности «по доходам» за счет еще более низких доходов других членов их домохозяйств – так, каждый второй пенсионер из группы бедных (52,5%) проживает в домохозяйстве, в котором один или несколько человек, находящихся в трудоспособном возрасте, не имеют работы, в то время как среди небедных таких всего 15,7%. Однако нужно отметить, что на попадание в нижнюю страту этот факт практически не оказывает влияния – различия по данному показателю среди представителей нижней, средней и верхней страты не превышают 6%.

Что же касается домохозяйств с детьми, то, как мы уже отмечали выше, для них более высоки риски монетарной бедности (23,3%)¹⁰, чем негативной привилегированности (14,7%), причем для многодетных семей это проявляется еще ярче (50,3% против 23,5%). Этот факт также связан со спецификой выделения бедности по абсолютному подходу, чувствительному без учета коэффи-

⁸ Подробнее см. на официальном сайте Пенсионного Фонда Российской Федерации (URL: http://www.pfrf.ru/grazdanam/pensionres/soc_doplata, дата обращения: 15 декабря 2019 г.)

⁹ Подробную статистику, включающую риски попадания в бедность «по доходам» см. на официальном сайте ФСГС РФ (документ: «Распределение малоимущего населения по основным социально-экономическим группам», URL: <https://www.gks.ru/folder/13397>, дата обращения: 15 декабря 2019 г.)

¹⁰ Повышенные риски бедности «по доходам» для семей с детьми – это важная проблема, устойчиво находящаяся в фокусе внимания как научного сообщества (см, например [Бирюкова и др., 2019; Овчарова, Попова, 2013; Овчарова, 2008; Овчарова и др., 2011]), так и государства.

циента эквивалентности к размеру домохозяйства. Таким образом, наличие детей хотя и приводит к снижению величины подушевого дохода в домохозяйстве, далеко не всегда означает при этом низкий уровень и качество жизни, о чем говорят в том числе и данные о доле представителей разных страт, проживающих в семьях с несовершеннолетними детьми, представленные в главе 3.

В этом вопросе наблюдается также обратная зависимость — женщины из негативно привилегированной группы менее склонны к рождению детей. Так, среди женщин моложе пенсионного возраста в нижней страте за 2014—2017 гг. рожали только 7,6%, в то время как среди бедных «по доходам» за этот период ребенок появился у каждой пятой. Отчасти это может объясняться и особенностями моделей брачности, распространенных в нижней страте: женщины моложе пенсионного возраста из ее состава реже проживают в официальном браке (34,6% против 45,1% среди бедных и 48,1% по женщинам в целом), чаще выбирают сожительство в гражданском браке (20,1%, против 15,4% среди бедных) и чаще разводятся (13,7% против 9,9% находящихся в бедности). Нестабильное семейное положение, являющееся следствием подобных моделей брачности, может приводить к отказу от рождения ребенка.

Две выделенные нами группы неблагополучных россиян различаются и в срезе пространственной локализации — бедность «по доходам» шире представлена в сельской местности (более половины бедных проживают в сельской местности), а представители нижней страты чаще проживают в городах, в том числе в трети случаев — в центрах субъектов Федерации. Иными словами, если низкие доходы — это в большей степени феномен, присущий сельскому образу жизни и большим домохозяйствам, то доминирование негативной привилегированности, наоборот, смещено в города и малочисленные домохозяйства.

В условиях пандемии все эти различия сохранились, хотя новый социально-экономический контекст все же внес некоторые корректировки в общую картину. Уже неоднократно упоминалось, что в этот период были значительно усилены меры социальной политики, направленные на поддержание семей с детьми и предотвращение их обеднения, однако их немонетарные возможности при этом все же ухудшились, и состав нижней страты пополнился, судя по изменению ее портрета, в том числе семьями с детьми. В результате доля россиян, проживающих в семьях с детьми, в составе бедных «по доходам» по отношению к 2018 г. не изменилась (63,0% в 2020 г.), в то время как в нижней страте

возросла с 26,7% в 2018 г. до 31,6% в 2020 г. Обе эти формы социального неблагополучия ярче проявились в данный период в крупных городах — так, в бедности «по доходам» доля жителей крупных городов возросла до 26,6%, а в нижней страте — до 36,2%. Однако в целом все выявленные различия оказались устойчивыми, что подтверждает их фундаментальный характер, не связанный с ситуационными внешними изменениями.

Социально-профессиональный состав и уровень образования также дифференцируют между собой представителей нижней страты и россиян с доходами ниже прожиточного минимума и позволяют четче прояснить портрет социальных «низов» в современном российском обществе (табл. 6.4).

Положение на рынке труда и связанный с ним, но не определяющий его напрямую уровень образования, — факторы, влияющие на попадание в зоны разных типов социального неблагополучия. Ранее, в главе 3, мы уже отмечали, что негативно привилегированные россияне характеризуются более низким уровнем образования, чем остальное население. Здесь же дополним, что к негативной привилегированности, как и к бедности, приводит ранний отказ от обучения. У россиян, не окончивших школу, в 1,6 раз выше риски оказаться среди бедных (23,5% из них бедны при 14,3% среди населения в целом) и в 2,5 раза выше риски попасть в состав негативно привилегированной страты (54,5% из тех, кто не окончил школу, оказываются в ее составе).

Эти особенности отражаются и на составах самих групп. Среди всех работающих представителей нижней страты моложе пенсионного возраста практически каждый третий не имеет полного школьного образования (30,0%), а высшее образование имеют лишь единицы (5,1%). Среди бедных заметно меньше не окончивших школу (19,0%), при этом в бедность нередко скатываются даже россияне с высшим образованием (15,1%). Эта тенденция наблюдается и в рамках единых возрастных групп, причем даже среди молодежи — так, среди молодых россиян (в возрасте от 18 до 30 лет) бросил школу как минимум каждый третий из нижней страты (34,1%), в то время как среди бедных таковых лишь четверть (24,9%). При этом профессиональное образование (высшее или среднее специальное) среди неработающей молодежи из нижней страты получали на момент опроса лишь менее пятой части ее представителей (11,3% учились в вузе, 7,5% — в техникуме), в то время как среди бедных они составляли практически треть — 18,4% и 12,5% соответственно).

Таблица 6.4

**Социально-профессиональный состав бедных и представителей
нижней страты, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2018 г., %**

Показатели	Бедные «по доходам»	Нижняя страта
<i>Уровень образования</i>		
Высшее	12,7	7,6
Среднее специальное	21,4	20,4
Полное общее среднее	43,3	38,5
Неполное среднее	22,5	33,5
<i>Трудовая активность</i>		
Всего работающих (в целом по группе – все возрасты), в т.ч.	38,7	34,9
среди лиц моложе пенсионного возраста	45,1	51,9
среди лиц пенсионного возраста	2,5	11,3
<i>Профессиональный статус работающих</i>		
Руководители разных уровней	3,9	0,5
Профессионалы высшего уровня квалификации (инженеры, врачи, ученые, архитекторы, преподаватели и пр.), в т.ч. военнослужащие с высшим образованием	8,8	5,2
Иные работники нефизического труда (медсестры, воспитатели в детских садах, кладовщики, почтальоны и пр.), в т.ч. военнослужащие без высшего образования	18,0	13,6
Рядовые работники торговли и обслуживания (продавцы, кассиры и пр.)	23,7	22,4
Рабочие	45,5	58,2
<i>Состав незанятых среди лиц моложе пенсионного возраста</i>		
Временно неработающие, ищут работу	14,4	21,8
Временно неработающие, не ищут работу	31,4	33,3
Пенсионеры не по возрасту и неработающие инвалиды	9,3	19,1
Неработающие студенты вузов и ссузов	16,2	8,5
Неработающие, находящиеся в декретном отпуске / в отпуске по уходу за ребенком / занятые домашним хозяйством	22,6	15,4
Иное	6,1	1,9

Одним из факторов принятия решения о досрочном прекращении получения даже среднего образования среди молодежи из нижней страты выступает, видимо, жизненный опыт ближайшего окружения. Каждый третий представитель домохозяйств, в которых проживают негативно привилегированные молодые люди, в свое время бросил школу (34,0%), а до диплома о высшем образовании дошли среди них лишь единицы (3,0%). В то же время

среди членов домохозяйств бедной молодежи 14,0% окончили вуз, четверть – ПТУ (26,7%), а бросили школу лишь 17,3%, т.е. важным фактором раннего отказа от обучения у негативно привилегированных россиян выступает то, в какой семье проходила их социализация, какие установки и ценности были переданы им в семье.

Более низкий уровень образования представителей нижней страты приводит к специфике их положения в производственных отношениях. С одной стороны, доля трудоустроенных среди них даже выше, чем у тех, чьи доходы ниже прожиточного минимума (51,9% лиц моложе пенсионного возраста¹¹ при 45,1% в группе бедных). С другой – в результате более низкого образовательного уровня представители нижней страты занимают рабочие места худшего качества, чем бедные россияне. Это проявляется сразу в нескольких аспектах. Во-первых, они чаще вынуждены соглашаться на тяжелый физический труд. Подавляющее большинство занятых в этой страте (61,1%) является представителями рабочих профессий, причем практически каждый третий из них (21,6% от занятых) – разнорабочий. Среди бедных доля рабочих ниже – 45,9%, и при этом разнорабочих в их числе также около трети (15,4% от занятых). Шансов занять в социально-профессиональной иерархии более высокие позиции руководителей или специалистов с высшим образованием у негативно привилегированных россиян практически нет (5,0%), в то время как минимум каждый десятый работающий бедный, не достигший пенсионного возраста – это представитель именно этих социально-профессиональных групп.

Отметим, что подобные различия связаны не только с возрастным составом выделенных групп – так, среди молодежи в возрасте 18–30 лет из нижней страты доля рабочих также высока (50,3%), что сильно отличает их от работающей молодежи из числа бедных «по доходам» (35,6%). При этом, однако, различия между неработающими пенсионерами из нижней страты и из числа бедных «по доходам» оказываются ниже: хотя первые чаще не получили даже общего образования, занимавшиеся ими в прошлом профессиональные позиции схожи с позициями бедных и смещены в сторону физического труда (половина неработающих пенсионеров в каждой из групп были до выхода на пенсию рабочими).

¹¹ Здесь и далее в данной главе, говоря о специфике занимаемых представителями разных групп рабочих мест, мы приводим данные по совершеннолетним россиянам моложе пенсионного возраста.

Во-вторых, условия труда и степень социальной защищенности у представителей нижней страты заметно хуже по сравнению с бедными, причем это проявляется сразу по ряду показателей. Несмотря на то, что уровень их заработной платы в целом выше (18 000 и 15 000 руб. соответственно) и она заметно реже оказывается ниже регионального прожиточного минимума (в 12,6% случаев при 20,3% среди бедных), они чаще получают ее «в конверте» (41,3% при 31,3% среди бедных). Кроме того, негативно привилегированные россияне чаще сталкиваются со случаями вынужденного сокращения размера заработной платы по инициативе работодателя (13,6% при 6,8% среди бедных).

Помимо проблем, связанных с заработной платой, представители нижней страты характеризуются более частым нарушением их трудовых прав и практически полным отсутствием у них на работе дополнительных льгот (табл. 6.5). Каждый четвертый работающий представитель нижней страты не оформлен на работе официально (24,7%), что среди бедных встречается заметно реже (14,0%). В меньшей степени охвачены представители нижней страты и возможностями получить (вообще или в полном объеме) оплату очередного отпуска, больничного листа или отпуска по беременности и родам. В целом, все три из перечисленных трудовых прав соблюдаются у трех четвертей работающих бедных и только у 60,0% представителей нижней страты, а не соблюдается ни одно из них у 15,3% и 27,4% соответственно.

Значительно реже бедных представители нижней страты получают и какие-либо дополнительные льготы от работодателя. Так, только каждый десятый имеет возможность обучения за счет предприятия, причем все остальные типы льгот встречаются у них еще реже. В целом, хотя бы какие-то льготы имеют лишь 18,1% из них при 31,8% среди бедных «по доходам» (табл. 6.5). Относительно более защищенное положение бедных по сравнению с негативно привилегированными частично объясняется тем, что практически каждый второй бедный трудоустроен на государственных предприятиях или предприятиях с государственным участием (44,6%), в то время как в нижней страте таких лишь четверть (28,4%).

Такое неблагоприятное положение на работе у представителей нижней страты в целом неудивительно, поскольку эта сфера являлась одной из четырех ключевых, ситуация в которых оценивалась при построении интегрального индекса шансов и рисков. Однако яркие различия с бедными «по доходам» подтверждают, что именно представители нижней страты репрезентируют наи-

Таблица 6.5

Соблюдение базовых трудовых прав работников и дополнительные льготы на работе у бедных и представителей нижней страты, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2018 г., %*

Права и льготы	Бедные «по доходам»	Нижняя страта
<i>Права</i>		
Оплата очередных отпусков	84,7	72,5
Оплата больничных листов	83,3	69,9
Оплата отпуска по беременности, родам и т.п.	75,2	60,5
<i>Соблюдаются все эти трудовые права</i>	74,6	60,0
<i>Не соблюдается ни одно из трех перечисленных прав</i>	15,3	27,4
<i>Льготы</i>		
Льготы в виде обучения за счет предприятия	16,7	10,1
Льготы в виде бесплатного или льготного питания, или оплаты питания	9,0	7,5
Льготы в виде частичной или полной оплаты путевок в санатории, дома отдыха, турбазы, детские лагеря	10,2	5,4
Льготы в виде дотаций на транспорт, оплаты проездных	6,2	5,2
Льготы в виде оплаты бесплатного лечения в ведомственных учреждениях, полная или частичная оплата в других мед. учреждениях	11,6	3,6
Льготы в виде оплаты мобильной связи, Интернета	2,3	1,6
Льготы в виде ссуд, кредитов для строительства или ремонта жилья	1,2	0,9
Льготы в виде бесплатного содержания детей в ведомственных дошкольных учреждениях, полная или частичная оплата содержания детей в других дошкольных учреждениях	3,7	0,5
Льготы в виде оплаты арендуемого жилья	1,4	0,5
<i>Имеют хотя бы какие-то льготы</i>	31,8	18,1

Примечание. * Рассчитано для населения моложе пенсионного возраста.

более незащищенные социальные «низы» в современной России. Даже бедные находятся в этом отношении в более благополучном положении. При этом субъективные оценки своего положения на рынке труда у двух этих групп оказываются схожими и достаточно негативными: они чаще остальных россиян не удовлетворены своей ситуацией на работе (14,8% и 14,0% при 9,0% в среднем по работающим моложе пенсионного возраста), и в большинстве своем к тому же боятся ее потерять (70,5% и 69,6%), так как более половины в каждой из этих групп уверены, что не смогут найти работу не хуже нынешней (52,2% и 51,5%).

Если же говорить об особенностях незанятости среди выделенных групп, то она формирует их портреты еще в большей степени, чем различия положения на рынке труда среди работающих, так как более 60% представителей каждой из групп не имеют работы (65,1% в нижней страте и 61,3% бедных). Все же причины незанятости у россиян из состава нижней страты и у бедных «по доходам» сильно различаются: для первых это, прежде всего, выход на пенсию (57,0% при 24,0% в бедности), в то время как для вторых — необходимость ухаживать за детьми или иными родственниками (22,6% при 15,4% в нижней страте). Однако выделенные группы оказываются схожи в том, что практически каждый третий незанятый в них не просто не работает, но и не планирует искать работу. В подавляющем большинстве случаев это жители сел (67,5% и 69,6% среди представителей нижней страты и бедных соответственно), структурные ограничения локальных рынков труда для которых оказываются дополнительным фактором, не позволяющим им выбраться из зоны как монетарного, так и немонетарного неблагополучия.

Все эти различия не утратили своей силы и в социально-экономических реалиях пандемии: практически все изменения характеристик, приведенных в табл. 6.4, оказались в пределах статистической погрешности, потому отметим лишь значимые. Во-первых, в ходе расширения нижней страты за счет, видимо, более благополучных ранее россиян в ее составе за период 2018–2020 гг. снизилась доля лиц с неполным средним образованием (до 28,0%) и приросла доля работающих — как в целом по группе (до 42,8%), так и среди трудоспособного населения (до 59,4%). Во-вторых, произошло практически двукратное сокращение числа незанятых, отказывающихся от поиска работы (до 18,1% в обеих группах), и рост числа тех, кто находится в активном поиске работы (до 17,9% в группе бедных и 29,9% в нижней страте). По всей видимости, такая активность стала реакцией на ухудшение ситуации с занятостью и попыткой поиска путей поддержания положения в условиях дальнейших ожидаемых ухудшений. В-третьих, наблюдался рост числа незанятых «по иным причинам» (в большинстве своем это россияне, чья деятельность носит неопределенный характер) — в обеих неблагополучных группах их число приросло двукратно, составив к 2020 г. 11,0% среди бедных и 3,8% в нижней страте. Все эти изменения скорректировали портреты групп, но не изменили характер различий между ними.

Специфика жизненных шансов и рисков бедных и представителей нижней страты

Завершая сравнение двух выделенных групп, обратимся к особенностям их повседневности через призму отдельных индикаторов, использованных для построения Индекса ЖШиР. Мы уже давали общую характеристику положения в разных сферах жизни представителей нижней страты по сравнению со средней и верхней (см. главу 3), теперь остановимся на этом подробнее. Выше уже отмечалось, что показатели негативной привилегированности можно рассматривать как признаки депривации в четырех анализируемых жизненных сферах, так как, согласно разработанной методологии, они характеризуют отклонение от социетальной нормы. Неудивительно, что все эти признаки достаточно широко представлены в повседневной жизни нижней страты, поскольку именно этот набор показателей использовался при построении Индекса жизненных шансов и рисков; высокая распространенность рисков и отличает положение нижней страты от средней и верхней страт. Однако в контексте тематики данной главы важно обратить внимание, что все риски в большей степени характерны для положения нижней страты, нежели для бедных «по доходам». Из немонетарных деприваций, использованных при анализе, бедных в большей мере затрагивает только проблема плохих жилищных условий, но даже в этом отношении положение негативно привилегированной группы россиян оказывается лишь немногим лучше (табл. 6.6).

Что же касается других типов лишений, то они в заметно большей степени характерны для представителей нижней страты, жизнь которых можно охарактеризовать как действительно проходящую в условиях многомерной депривации. В то же время бедные «по доходам», даже при объективной нехватке текущих денежных средств, в меньшей степени подвержены отклонению от типичной для российского населения «нормы» в отношении ситуации на работе, возможностей, связанных с человеческим капиталом, и даже в отношении потребления и досуга или экономических условий жизни. Дифференциация между ними и нижней стратой в наибольшей степени заметна в отношении отсутствия доступа к цифровым технологиям, наличия неэластичных текущих расходов, а также суженного стандарта предметной среды в домохозяйстве. Различия по доле испытывающих каждое из этих лишений оказываются между выделенными группами двукратными. Таким образом, хотя по сравнению со средним россиянином бедные

Таблица 6.6

Признаки негативной привилегированности у бедных и представителей нижней страты, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2018 г. *, %

Признаки негативной привилегированности	Бедные «по доходам»	Нижняя страта
<i>Экономические условия жизни</i>		
Наличие множественных или крупных долговых обязательств	19,1	19,9
Наличие значительных неэластичных текущих расходов помимо долговых обязательств	15,1	29,3
Нестабильность доходов при отсутствии постоянной занятости	14,4	13,5
<i>Ситуация на работе</i>		
Неблагоприятные условия занятости	4,0	5,6
Несоблюдение на работе законодательства	8,2	13,9
Риски длительной безработицы	19,2	23,0
<i>Возможности сохранения и наращивания человеческого капитала</i>		
Недоступность необходимого образования	46,6	62,6
Вероятность значимого ухудшения здоровья	21,1	25,9
Отсутствие доступа к IT-технологиям в повседневной жизни	32,0	60,0
<i>Особенности потребления и досуга</i>		
Суженный стандарт предметного потребления	23,9	52,2
Плохие жилищные условия	40,1	36,1
Наличие пищевых деприваций	26,0	34,3

Примечание. *Из значимых отличий по данным 2020 г. отметим двукратное увеличение в составе нижней страты доли тех, кто был вынужден соглашаться с неблагоприятными условиями занятости, а также сокращение в обеих группах числа тех, кто испытывал пищевые депривации (до 18,5% в группе бедных и до 27,9% в нижней страте).

в большей степени страдают от характеризующих их жизнь рисков, однако их положение все же гораздо лучше, чем у представителей нижней страты. Последние могут иметь более высокие текущие доходы, но испытывать при этом бóльшие лишения в разных сферах жизни, чем даже бедные.

Что же касается тех возможностей, которые формируют повседневность двух выделенных нами неблагополучных групп, то и в этом отношении бедные оказываются в сравнительно лучшем положении, чем представители нижней страты (табл. 6.7). Хотя в отношении экономических условий жизни и ситуации на работе наличие каких-либо жизненных шансов из числа вошедших в наш анализ нехарактерно для представителей обеих групп, различия между ними очень заметны в сфере возможностей сохранения и

Таблица 6.7

**Признаки позитивной привилегированности у бедных
и представителей нижней страты, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2018 г. *, %**

Признаки позитивной привилегированности	Бедные «по доходам»	Нижняя страта
<i>Экономические условия жизни</i>		
Наличие второго пригодного для круглогодичного проживания жилья	4,8	2,5
Наличие иной недвижимости (при условии одновременного наличия автомобиля)	6,0	2,8
Наличие инвестиций и сбережений, позволяющих прожить на них продолжительный период	0,8	0,6
<i>Ситуация на работе</i>		
Наличие ресурса влияния на работе	7,3	1,4
Наличие работы, являющейся объектом желаний большинства россиян	2,2	0,7
Наличие дополнительных социальных благ по месту занятости	5,0	1,4
<i>Возможности сохранения и наращивания человеческого потенциала</i>		
Возможность использовать социально привлекательные виды образования для взрослых и детей	47,3	13,8
Возможность использовать сравнительно лучшие, чем гарантированные государством формы заботы о здоровье	11,8	6,8
Наличие развитых навыков существования в цифровой среде	46,1	19,0
<i>Особенности потребления и досуга</i>		
Возможность расширенного стилового товарного потребления	14,6	3,0
Особая комфортность жилищных условий	20,1	26,1
Хорошие возможности проведения отпуска	4,0	0,8

Примечание. * Ситуация пандемии внесла несколько изменений в эту картину. Во-первых, в обеих группах в разы сократилась и без того малая доля тех, кто имел дополнительные социальные блага на работе (до 1,7% в группе бедных и до 0,5% в нижней страте). Во-вторых, представители обеих зон неблагополучия пострадали от изменений в сфере образования – доля позитивно привилегированных по возможности использовать социально привлекательные виды образования сократилась до 22,4% среди бедных и до 9,0% в нижней страте. В-третьих, в обеих группах сократилась доля тех, кто мог обеспечить себе расширенное стиловое потребление (до 7,1% среди первых и 1,6% среди вторых). В-четвертых, бедные лишились возможностей по организации отдыха вне дома, что сблизило их с представителями нижней страты (эта возможность сохранилась лишь у 0,3% представителей обеих групп). Все эти изменения, как видим, в целом свидетельствовали об ухудшении положения представителей обеих зон неблагополучия под влиянием новых социально-экономических условий.

наращивания человеческого капитала¹². Бедные россияне в значительно большей степени обладают этими возможностями, чем представители нижней страты, — более 45% их имеют развитые навыки существования в цифровой среде и могут использовать платные образовательные услуги для детей или взрослых. Учитывая, что бедные в большей степени сосредоточены в сельской местности, такие различия тем более симптоматичны.

Несколько под иным углом зрения позволяют взглянуть на возможности и риски представителей двух этих групп имеющиеся у них ресурсы. В следующей главе будет представлен детальный анализ ресурсообеспеченности россиян в целом и представителей трех выделенных страт в частности. Здесь же мы лишь очень кратко остановимся на этом сюжете, выделив важные для понимания различий представителей нижней страты и бедных моменты¹³. Так, если говорить об экономическом ресурсе, и, в частности, о такой его компоненте, как предметная среда, то бедные отличаются более благополучным положением в этом отношении, нежели представители нижней страты. При этом важно, что более высокий уровень обеспеченности товарами длительного пользования формируется прежде всего не за счет минимального базового набора, совпадающего и для этих групп, и для населения в целом (холодильник, телевизор, пылесос, стиральная машина, мобильный телефон), но за счет более сложной техники, в том числе цифровой (компьютеры, смартфоны, планшеты), а также автомобилей — т.е. тех товаров длительного пользования, которые обеспечивают разные жизненные возможности в сферах досуга, самообразования и т.п. В отношении наличия недвижимого имущества различия между двумя выделенными группами при этом невелики, хотя бедные чуть чаще владеют дачами (22,7% при 18,8% среди нижней страты) или даже вторым жильем (2,1% при 0,9%).

Если говорить о других компонентах экономического ресурса, то обращает на себя внимание меньшая доля имеющих пенсии и пособия в числе основных источников дохода среди бедных (40,7%), чем среди негативно привилегированных россиян (50,0%),

¹² В отношении особенностей потребления и досуга бедные отличаются при этом чуть большими возможностями расширенного товарного потребления, в то время как нижняя страта — более комфортными жилищными условиями.

¹³ Здесь и далее оценка ресурсообеспеченности бедных «по доходам» и представителей нижней страты приводится на основании данных 8-й волны Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г.

что отражает разницу в их составе. При этом доля имеющих среди основных источников доходов разовые или временные приработки в этих группах совпадает, что сближает их в плане избираемых адаптационных стратегий. Что касается кредитов и сбережений, то в этом отношении положение бедных оказывается сравнительно хуже: долговая нагрузка распространена среди них в большей степени, чем среди нижней страты (57,3% против 49,8%) при одинаково низком уровне имеющих хотя бы какие-то сбережения (15,3% в обеих группах). Однако меньшая распространенность долговой нагрузки не меняет факта худшей обеспеченности представителей нижней страты экономическим ресурсом.

Нужно сказать, что и по другим типам ресурсов положение нижней страты оказывается более неблагоприятным, чем положение бедных. Так, даже в физиологическом ресурсе различия между ними очень заметны: среди представителей нижней страты 16,6% официально имеют группу инвалидности и 74,5% имеют хотя бы одно хроническое заболевание, в то время как среди бедных аналогичные доли составляют 5,6% и 57,1% соответственно. Выше мы уже отмечали и различия в уровне образования, определяющего специфику квалификационного ресурса представителей двух этих групп. Наконец, объем социального ресурса у представителей нижней страты также более низкий — 63,6% из их числа не имеют возможности обратиться к родственникам или знакомым для получения помощи в решении тех или иных жизненных проблем (среди бедных таких тоже более половины, но их доля все же несколько ниже — 57,6%).

В этой связи уже не так удивительно, что даже при более низком уровне текущих доходов, выталкивающем их за черту монетарного неблагоприятия, представители бедных «по доходам» лучше оценивали динамику материального положения своего домохозяйства не только в сравнительно «спокойные» годы (16,4% говорили в 2018 г. о его улучшении в последний год при 11,8% в нижней страте), но даже в сложных условиях пандемии (11,5% и 8,7% соответственно), см. табл. 6.8. Более оптимистично бедные смотрят и в будущее: так, 30,5% из них в 2018 г. ожидали, что в следующем году они будут жить лучше — при лишь 17,0% среди представителей нижней страты.

Таблица 6.8

Оценка динамики положения своего домохозяйства бедными и представителями нижней страты, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2018 г., %

Показатели динамики	Бедные «по доходам»	Нижняя страта
<i>Динамика материального положения за последний год</i>		
Улучшилось	16,4	11,8
Без изменений	48,6	56,8
Ухудшилось	34,9	31,3
<i>Оценка положения через год</i>		
Будут жить лучше	30,5	17,0
Ничего не изменится	53,8	63,8
Будут жить хуже	12,8	19,3

Выводы

Оценка неблагополучных нижних слоев в социальной структуре современного российского общества может проводиться на основе теоретико-методологических подходов, разработанных для различных целей и высвечивающих разные аспекты социального неблагополучия. Сопоставление двух групп – бедных «по доходам», выделенных на основании официально используемого в России прожиточного минимума, и нижней страты, характеризующейся доминированием негативной привилегированности по разработанному нами Индексу жизненных шансов и рисков, позволяет получить комплексный портрет зоны социального неблагополучия российского общества.

Эта зона оказывается не только заметно шире бедности «по доходам», но и имеет специфический характер, определяющийся далеко не только недостаточностью текущих доходов. Несмотря на то, что часть представителей нижней страты характеризуется уровнем доходов, который не позволяет формально отнести их к бедным, именно эта группа отличается целым рядом особенностей, позволяющих рассматривать ее в качестве реальных социальных «низов» в общей структуре современного российского общества. Эти особенности проявляются в специфике моделей образования, занятости, брачности и деторождения. Можно говорить и о том, что в нижней страте уже запущены и процессы социального воспроизводства, закрепляющие эту специфику. Что же касается бедных «по доходам», то, несмотря на объективно тяжелое поло-

жение с точки зрения текущих доходов, по ряду аспектов они, тем не менее, имеют возможность поддерживать тот жизненный стандарт, который свойственен населению в целом (что недоступно для нижней страты). В этом контексте неудивительно, что с субъективной бедностью в большей степени коррелирует именно неблагоприятное положение в социальном пространстве рисков и шансов, нежели нехватка текущих доходов.

Что касается состава двух основных из сравнивавшихся групп, то в бедности «по доходам» сегодня могут оказаться даже россияне с высшим образованием, занимающие сравнительно устойчивые позиции на рынке труда, в том числе за счет занятости на государственных предприятиях. В бедность их вытесняет либо низкий уровень заработных плат, либо необходимость содержать других родственников. Зона же негативной привилегированности объединяет россиян, которые в раннем возрасте бросают обучение, оказываются неконкурентоспособными на рынке труда и занимают не просто низкооплачиваемые, но и социально незащищенные позиции. С учетом того, что их ресурсообеспеченность в целом низка, а немонетарные риски, характеризующие их положение, высоки и многомерны, охватывая одновременно разные сферы жизни, их неблагоприятие имеет комплексный характер. Следовательно, борьба с этим неблагоприятием исключительно монетарными мерами (акцент на которых обычно делается в государственной политике при решении задач сокращения бедности) не сможет быть эффективной, а для сокращения зоны социального неблагоприятия в современном российском обществе потребуются новые подходы.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна — доктор социологических наук, профессор, профессор-исследователь Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института социальной политики НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: социальная стратификация российского общества, социально-экономические последствия реформ для российского общества в целом и различных групп населения в частности, социокультурная модернизация России. Автор свыше 400 научных работ. Основные труды: «Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике» (1999), «Феномен городской бедности в современной России» (2003), “Poverty and Social Exclusion in the New Russia” (London, 2004, 2017, в соавторстве), «Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа» (2007), «Средний класс: теория и реальность» (2009, в соавторстве), «Социальная структура России: теории и реальность» (2014), «Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения» (2018, в соавторстве). Ответственный редактор и автор глав в подготовленных по итогам крупных общероссийских исследований монографиях «Бедность и бедные в современной России» (2014), «Российское общество и вызовы времени» (2015, 2016, 2017), «Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований» (2016), «Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа» (2018), «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя» (2018) и др. Автор глав в монографиях по результатам международных проектов (“Handbook on Social Stratification in the BRIC Countries. Change and Perspective” (2013), “The Middle Income Group in China and Russia” (2021), “Life Expectations of the People” (2021)). Руководитель и участник десятков крупных исследовательских проектов, в том числе международных, по различной тематике.

АНИКИН Василий Александрович — кандидат экономических наук, Ph.D. (Эссекс, социология), доцент Национального исследовательского

университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института социальной политики НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: проблемы неравенства и социально-экономического развития, вопросы социальной стратификации новейшей России, профессиональная структура и человеческий капитал. Автор более 90 научных работ, в том числе статей в ведущих российских и зарубежных научных журналах и глав в монографиях по результатам общероссийских исследований («Российское общество и вызовы времени» (2015), «Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований» (2016), «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя» (2018), «Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения» (2018) и др.). Участник крупных исследовательских проектов по проблемам динамики социальной структуры российского общества, социальной политики, вопросам модернизации российской экономики и общества.

КАРАВАЙ Анастасия Вадимовна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра стратификационных исследований Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: социальная структура российского общества, человеческий капитал профессиональных групп, социально-экономическая адаптация населения. Автор более 40 научных работ, в том числе статей в ведущих российских научных журналах и глав в коллективных монографиях по результатам общероссийских и международных исследований («Российское общество и вызовы времени» (2016, 2017), «Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа» (2018), «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя» (2018), «Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения» (2018), “The Middle Income Group in China and Russia” (2021) и др.). Участник крупных исследовательских проектов, в том числе международных, по тематике социальной стратификации российского общества.

ЛЕЖНИНА Юлия Павловна – кандидат социологических наук, руководитель Департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института социальной политики НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: социальная политика, социальная стратификация российского общества, социально-демографические процессы, социокуль-

турная динамика. Автор более 60 научных работ, в том числе статей в ведущих российских и зарубежных научных журналах; глав в вышедших за рубежом монографиях по результатам международных проектов (“Handbook of the Sociology of Youth in BRICS Countries” (2018), “Life Expectations of the People: A Comparative Sociological Analysis of China and Russia” (2021), “The Middle Income Group in China and Russia” (2021) и др.) и глав в коллективных монографиях по результатам общероссийских исследований («Российское общество и вызовы времени» (2015, 2016, 2017), «Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований» (2016), «Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения» (2018) и др.). Участник крупных исследовательских проектов, в том числе международных, по проблематике социальной структуры российского общества, социальной политики, культурной динамики и процессов модернизации.

МАРЕЕВА Светлана Владимировна – кандидат социологических наук, зав. Центром стратификационных исследований Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: социальное неравенство, социальная структура и социальная стратификация, средний класс, социокультурная динамика. Автор более 100 научных работ, в том числе монографии «Средний класс: теория и реальность» (2009, в соавторстве); глав в вышедших за рубежом монографиях по результатам международных проектов (“Handbook of the Sociology of Youth in BRICS Countries” (2018), “The Middle Income Group in China and Russia» (2021), “Life Expectations of the People. A Comparative Sociological Analysis of China and Russia” (2021), “The Routledge Handbook of Russian Politics and Society” (2022) и др.); глав в ряде российских монографий по результатам общероссийских исследований («Российское общество и вызовы времени» (2015, 2016, 2017), «Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований» (2016), «Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа» (2018), «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя» (2018), «Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения» (2018) и др.), а также статей в ведущих российских и зарубежных научных журналах. Руководитель и участник крупных исследовательских проектов, в том числе международных, по проблематике социальной структуры российского общества, социальной политики, культурной динамики и человеческого потенциала.

СЛОБОДЕНЮК Екатерина Дмитриевна — кандидат социологических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института социальной политики НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: социальная структура и социальная стратификация, социальное неблагополучие, малообеспеченность, бедность, социальное неравенство. Автор более 30 научных работ, в том числе статей в ведущих научных журналах и глав в коллективных монографиях («Российское общество и вызовы времени» (2016), «Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения» (2018) и др.). Участник проектов по проблематике социальной структуры российского общества.

ОБЩЕСТВО НЕРАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ: социальная структура современной России

Под редакцией *Н.Е. Тихоновой*

Редактор: *В.А. Демьянович*

Корректор: *Е.Г. Волкова*

Художник: *Е.А. Ильин*

Верстка *С.А. Голодко*

Подписано в печать04.2022

Формат 60x90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л.

Тираж ... экз.

ООО Издательство «Весь Мир»
109544, г. Москва, ул. Б. Андроньевская, д. 5, стр. 1
<http://www.vesmirbooks.ru>
E-mail: info@vesmirbooks.ru
Тел. 8 (495) 632-47-04/06